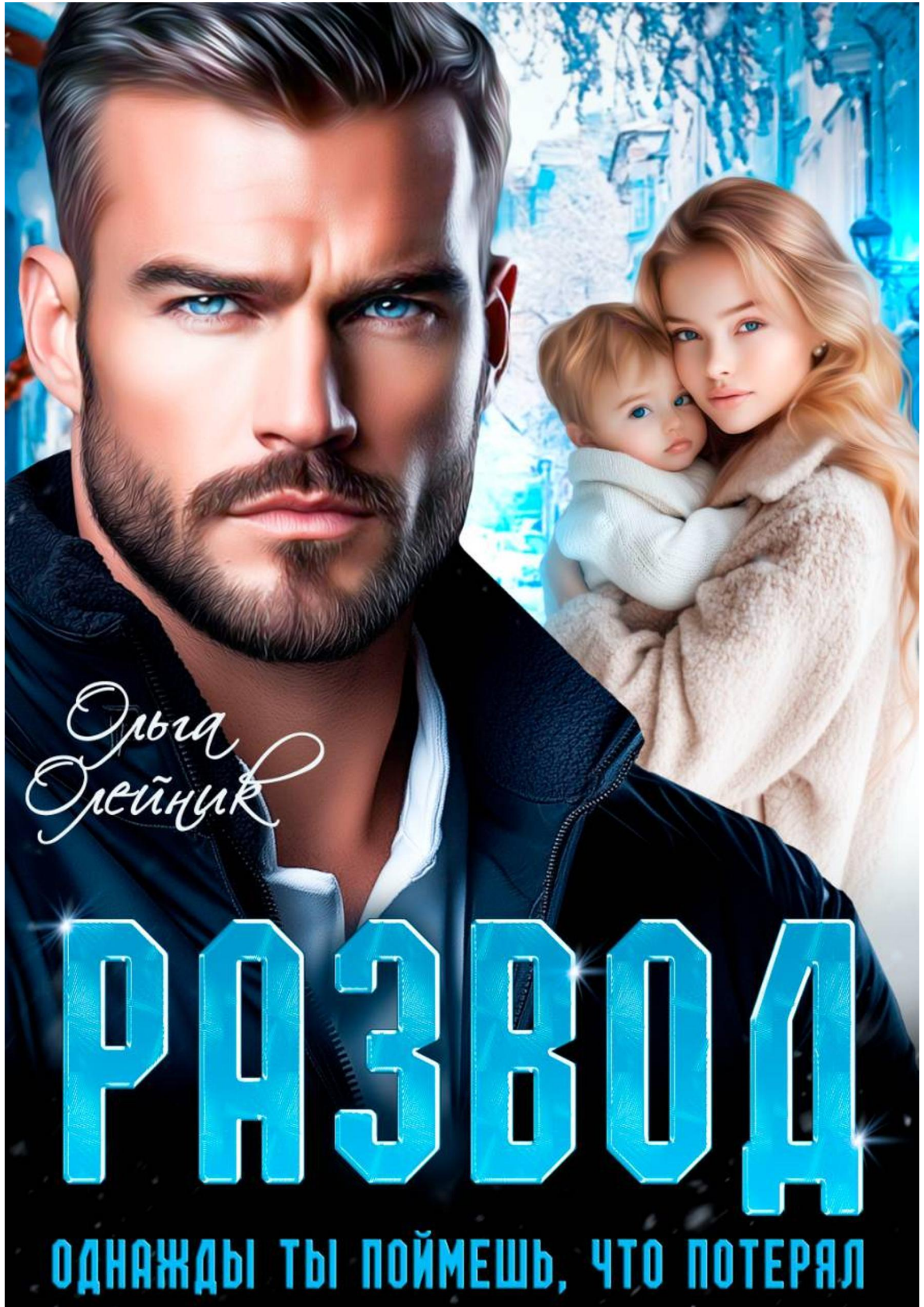

Ольга
Дрейлик

РАЗВОД

ОДНАЖДЫ ТЫ ПОЙМЕШЬ, ЧТО ПОТЕРЯЛ

Ольга Олейник

**Развод. Однажды ты
поймешь, что потерял**

«Автор»

2026

Олейник О.

Развод. Однажды ты поймешь, что потерял / О. Олейник —
«Автор», 2026

На нашу оловянную свадьбу мы Никитой решаем устроить ее реконструкцию. Снимаем тот же загородный отель, что и десять лет назад, приглашаем тех же гостей и тамаду. Вот только ночью всё идет не по сценарию, и я застаю мужа в постели своей лучшей подруги и нашей свидетельницы Ларисы.— Как ты мог? — шепчу я, обращаясь к Нику. Но отвечает не он, а его любовница:— Ты сама, Женя, хотела повторить свою свадьбу даже в мелочах. Вот и получила.— Ты хочешь сказать, что в нашу первую брачную ночь вы тоже? Нет, Никита не мог так со мной поступить! Или мог?— А твой сын, Лара? — вдруг вспоминаю я. — Ты говорила, что он был зачат на нашей свадьбе. Она с улыбкой кивает: — Ну, наконец-то ты догадалась! Да, я родила твоему мужу ребенка. А вот ты за десять лет брака сделать этого так и не смогла.— Но зачем, Ник? — я кусаю губы до крови. — Зачем ты вообще женился на мне, если всегда любил другую? Он, наконец, подает голос и сам:— Это бизнес, Женя! Я женился на тебе из-за денег твоего отца.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Развод. Однажды ты поймешь, что потерял

Глава 1

— Горько! Горько! Горько! — дружно скандируют гости.

А мы с Ником целуемся — нежно, долго и уже не стесняясь, как десять лет назад. Эти годы пролетели как одно мгновение, и вот мне уже не восемнадцать, а двадцать восемь.

Но сейчас мне кажется, что я вернулась в прошлое. В день нашей свадьбы, который отложился у меня в памяти навсегда.

Мы в том же отеле, что и тогда. Вокруг нас те же гости — друзья, коллеги. И тот же тамада произносит те же торжественные речи. Но это не день сурка. Это день счастья. Нашего с Никитой счастья — одного на двоих.

И вечер завершается тем же медленным танцем, что и десять лет назад. А потом Ник под улюлюканье гостей уносит меня на руках в наш номер на втором этаже, из окна которого открывается волшебный вид на заснеженный лес.

— Всё хорошо, малыш? — спрашивает муж, когда мы оказываемся одни. — Тебе понравилось?

Я восторженно киваю. Это было так же замечательно, как и в первый раз.

Хотя сначала идея с реконструкцией нашей свадьбы даже мне самой казалась почти безумием. Я была уверена, что что-нибудь обязательно пойдет не так. Что в этот день окажется занят наш тамада, или кто-то из гостей не сможет приехать, или нам не удастся снять отель.

Но нет, всё проходит точно по сценарию. Так же, как и тогда. Разве что все мы стали на десять лет старше.

Ник расшнуровывает корсет моего белоснежного платья. Потом целует мои губы, шею, плечи. Он спускается всё ниже и ниже, а уже через пару минут мы оказываемся в кровати.

Когда я выходила замуж десять лет назад, часть моих знакомых говорили, что я слишком тороплюсь. Но теперь мне было страшно представить, что я послушала бы их тогда.

— Люблю тебя! — шепчу я на ухо Нику.

— А я тебя! — откликается он.

А потом мы засыпаем на шелковых, пахнущих лавандой простынях.

Просыпаюсь я уже под утро. Еще темно, но верхушки леса за окном уже порозовели от первых солнечных лучей. Тянусь, чтобы обнять мужа, но натыкаюсь на пустую подушку.

Похоже, он проснулся раньше, чем я. А может быть, совсем не смог заснуть? Сказалось волнение вчерашнего дня. И мне становится стыдно за то, что я так безмятежно спала.

Я выпрыгиваю из постели, надеваю красивый длинный халат и отправляюсь искать Ника. Наверно, он спустился в гостиную с камином, где всё еще лежат наши подарки. Это маленький загородный отель, и мы сняли его целиком, так что кроме нас и наших гостей сегодня здесь никого нет.

Я иду по коридору к лестнице, когда слышу залиvistый женский смех. Смеяться так может только Лариса — наша свидетельница и моя лучшая подруга. Кажется, она тоже не спит.

Тянусь к ручке двери ее номера, но останавливаю себя. Лара может быть не одна. Она сама призналась мне когда-то, что десять лет назад в нашу с Ником первую брачную ночь она тоже устроила себе приключение и переспала с кем-то из наших гостей. Правда, так и не сказала, с кем именно.

И может быть, сейчас, спустя десять лет, она тоже решила всё повторить? Тем более, что для этого у нее есть весомый довод — после той ночи она забеременела и родила чудесного сына Матвея. И если отец мальчика теперь решит остаться с ней, разве это будет не замечательно?

Я уже собираюсь идти дальше, когда из номера Ларисы доносится голос мужчины. И когда я слышу его, мне становится трудно дышать. Нет, наверняка я ошиблась! Но не проверить этого я уже не могу.

Отель стилизован под старину, здесь нет электронных замков, и если дверь не закрыта на обычный ключ, то ее легко открыть простым нажатием на массивную ручку.

Свет в номере приглушен, но кровать хорошо видна. И на ней — два обнаженных тела. Моя лучшая подруга и мой муж.

Скрипит не дверь, а паркет на полу, и когда я застываю у порога, Ник и Лара смотрят на меня с изумлением и испугом.

— Что ты здесь делаешь, Женя?

Ник быстро вскакивает и надевает свой халат. А Лариса прикрывается тонким одеялом.

— А ты? — вопросом на вопрос отвечаю я. — Что ты здесь делаешь, Никита?

Вопрос риторический, и ответ на него я уже знаю сама. Он спит с моей лучшей подругой!

— Как ты мог? — шепчу я, обращаясь к Нику.

Но отвечает не он, а его любовница:

— Ты же сама, Женечка, хотела повторить свою свадьбу даже в мелочах. Вот и получила.

Дара уже пришла в себя и теперь смотрит на меня с вызовом. И мне кажется, что ей совсем не стыдно.

А я пытаюсь осознать ее слова.

— Ты хочешь сказать, что в нашу первую брачную ночь вы тоже...

Нет, Никита не мог так со мной поступить! Он меня любит! Или всё-таки мог?

Я пытаюсь вспомнить ту ночь, что случилась десять лет назад. Тогда я тоже быстро заснула. Устала на торжественной церемонии в ЗАГСе и на вечернем празднике. И проснулась уже утром. Муж был в постели рядом со мной, но была ли у него возможность незаметно выйти из номера? Да, конечно. Сплю я обычно крепко.

— А твой сын, Лара? — вдруг вспоминаю я. — Ты говорила, что он был зачат на нашей свадьбе...

Она торжествующе улыбается и кивает:

— Ну, наконец-то ты догадалась, Женя! Да, я родила твоему мужу ребенка. А вот ты за десять лет брака сделать этого так и не смогла.

Глава 2

Этими словами она бьет меня наотмашь и прекрасно это осознает.

Единственное, что омрачало наш с Никитой брак — это отсутствие детей. Все эти годы я пыталась забеременеть, проходила обследования, ездила в специализированные санатории. Всё было без толку.

Но муж всегда поддерживал меня. «Тебе же только двадцать восемь, Жень! Уверен, у нас вот-вот получится».

Я думала, что его тревожило это так же, как меня. Просто он старался не подавать вида, чтобы не расстраивать меня.

А теперь понимаю другое. Возможно, его мое бесплодие совсем не волновало. Потому что у него уже был сын! Шустрый славный мальчишка Мотя, который ходил сейчас во второй класс. Мотя, которому я на каждый праздник покупала игрушки. С которым каталась на каруселях и ходила в цирк.

А настоящий цирк, оказывается, был совсем рядом — у меня дома. Вот только мне почему-то было сейчас совсем не смешно.

— Даже хорошо, что ты сейчас всё узнала, — холодно говорит Лариса, натягивая на себя кружевную сорочку. — Мне до икоты надоело притворяться.

А это получалось у нее хорошо — притворяться. Раз за все эти годы я так и не поняла, какая змея была со мной рядом.

— Значит, ты дружила со мной, чтобы быть поближе к моему мужу?

— Прости, Жень, но на войне все средства хороши, — она встает с постели и подходит к зеркалу, чтобы подправить размазавшуюся на губах помаду.

В такой момент она способна думать о помаде! И оказывается, все эти годы она со мной воевала!

— Какая же ты дрянь! — ахаю я и опираюсь спиной на дверной косяк, потому что боюсь упасть.

— Да, возможно, — соглашается она. — Но мужчины как раз и любят стерв. Ты, наверно, не знала? А с такими хорошими девочками, как ты, им быстро становится скучно.

Ее слова звучат ужасно, но в глубине души я понимаю, что она права. Муж променял меня на нее. Ему оказались не нужны ни моя любовь, ни моя верность.

— Но зачем, Ник? — я кусаю губы до крови. — Зачем ты вообще женился на мне, если всегда любил другую?

Разве я когда-нибудь навязывалась ему? Разве насильно тащила в ЗАГС? Он сразу мог выбрать Ларису и сделать ее своей женой.

Он, наконец, подает голос и сам:

— Это бизнес, Жень! Я женился на тебе из-за денег твоего отца.

У меня снова перехватывает дыхание. Бизнес? Наш брак для него — всего лишь бизнес? И он говорит мне об этом только сейчас, спустя десять лет?

Из-за слез я уже почти ничего не вижу. Нашупываю дверную ручку за спиной и почти вываливаюсь в коридор. Там, в номере Ларисы мне слишком душно. Делаю шаг к лестнице.

Мне отчаянно хочется на улицу, на свежий воздух. Но после секундного раздумья я всё-таки возвращаюсь в свой номер. Я не хочу, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии. Я не хочу ничего никому объяснять.

Я хочу забраться в кровать, укрыться одеялом и забыть обо всём. И об этой дурацкой реконструкции свадьбы, которая в свете этих новостей уже кажется жутким фарсом. И о лживой подруге, которой я доверяла столько лет. И о собственном муже, который всегда меня предавал.

Но сначала я иду в ванную. Раздеваюсь, встаю под душ и рыдаю там до тех пор, пока мне не становится тошно.

А когда я возвращаюсь в спальню, Никита уже там. Он стоит у окна, на нём уже рубашка и брюки.

— Приводи себя в порядок и пойдем к гостям! Пора завтракать.

Он говорит это так, словно ничего не случилось. Словно и не было этого ужасного разговора полчаса назад.

— Какие гости, Ник? — ошеломленно спрашиваю я. — Или ты хочешь объявить им о нашем разводе?

— Женя, давай не будем принимать решение сгоряча, — говорит он. — Гости приехали к нам на праздник, и не стоит портить его им.

То, что он испортил праздник мне, его, похоже, совсем не волновало.

— Я никуда не пойду!

— Хорошо, — со вздохом соглашается он. Наверно, понимает, что там, при гостях, от меня можно ожидать чего угодно. — Тогда оставайся в номере. Я скажу, что ночь у нас была бурной, мы заснули только под утро, и ты еще спишь. Только, пожалуйста, не делай глупостей. Среди гостей не только наши друзья, но и мои деловые партнеры, и мне совсем не хотелось бы, чтобы они считали мою жену истеричкой. Будем надеяться, что после завтрака гости разъедутся, и мы с тобой сможем всё спокойно обсудить.

Эти деловые партнеры были друзьями и коллегами моего отца. С ними Ник как раз познакомился на нашей свадьбе.

— Тебя волнует только твой бизнес? — усмехаюсь я. — А ведь это мой отец помог тебе его построить.

— Да, — кивает он, — и я ему за это признателен. И если ты поведешь себя как разумная женщина, то мы сможем оставить всё как есть. В каждой семье случаются проблемы, но совсем не обязательно, чтобы о них кто-то знал.

Он спокойно надевает пиджак и убирает из петлицы бутоньерку с белой розой.

— Ты предлагаешь мне сделать вид, что ничего не случилось? — ахаю я.

— А почему бы и нет? — он пожимает плечами. — Все мужья рано или поздно изменяют женам, но не каждая измена становится достоянием общественности. В интересах бизнеса нам лучше остаться мужем и женой.

— Перестань уже говорить об этом дурацком бизнесе! — почти кричу я. — Ты вообще можешь думать хоть о чём-то еще? И я сейчас даже не о себе. Я твоим сыном! Это же его ты променял на свою фирму!

Глава 3

Мне трудно представить, как мог нормальный человек отказаться от собственного ребенка ради какой-то компании? Все эти годы Матвей рос без отца, и я была уверена, что он не знал о том, что его отец — Никита Некрасов.

Над ним наверняка смеялись и в детском саду, и в школе. А Ларису Зиберт называли брошенкой и жалели всё ее сплетницы-соседки. И всё это ради чего? Ради какой-то фирмы?

— Жень, не ори! — шипит на меня муж. — Тут тонкие стены, и нас могут услышать. Даже если допустить, что тебе плевать на наших друзей, то подумай хотя бы о своем отце. Каково ему будет сейчас узнать правду?

Он давит на больное. Труднее всего рассказать правду мне будет именно папе. Он всегда восхищался Никитой, считал его своим учеником, своей правой рукой. Для него это будет слишком тяжелый удар.

Мое молчание Ник истолковывает как знак согласия.

— Вот и умница. Забирайся в кровать и поспи. После завтрака я провожу гостей и вернусь. Когда мы останемся одни, ты сможешь сказать мне всё, что обо мне думаешь.

Он уходит, но я не ложусь в кровать. Я пытаюсь отыскать в сумке хоть какую-то одежду, которая не напоминала бы мне об этой дурацкой свадьбе. Я не хочу надевать то нарядное платье, которая взяла с собой для выхода к гостям на второй день. Ограничиваюсь футболкой и джинсами. Хорошо, что я догадалась взять хотя бы их. Подумала, вдруг нам с Ником захочется прогуляться по заснеженному лесу. Нечего сказать, погуляли.

В сумку я запикиваю свое свадебное платье. Хотя, возможно, стоит его оставить прямо здесь. Сейчас с ним связаны не самые приятные воспоминания. А ведь я берегла его целых десять лет.

За этим занятием меня и застает Лариса. На ее лице уже косметика, а волосы красиво уложены. И теперь она одета в красивый костюм вишневого цвета, который подчеркивает ее хорошую фигуру. И от нее пахнет моими любимыми духами. Я сразу напрягаюсь.

— Что, уловила знакомый аромат? — усмехается она. — Да, нам с Ником приходилось маскироваться. Он не мог позволить себе пахнуть другими духами. Хотя, знаешь, сама я предпочитаю совсем другой парфюм.

— Зачем ты пришла? — я отхожу к окну. — Я была уверена, что ты уже уехала.

— Я собиралась, — кивает она. — Но Ник сказал, что это будет неприлично и вызовет подозрения. А он умеет убеждать, правда?

— Как ты могла позволить ему поступить так с собой и с вашим сыном? — спрашиваю я. — Разве ты не хотела, чтобы у Моти был отец, а у тебя — законный муж?

Лара садится в кресло, закидывает ногу на ногу.

— Да, не буду скрывать, иногда мне было очень обидно. Когда по ночам я мерзла в кровати одна и знала, что он сейчас с тобой. Знала бы ты, сколько раз я хотела всё тебе рассказать — чтобы ты подала на развод, и он, наконец, стал свободным.

— Так почему не рассказала?

— Ты сама знаешь, почему, — хмыкает она. — Я не хотела, чтобы твой отец навредил бизнесу Ника. Да мы с Мотей и сами слишком сильно от этого бизнеса зависели.

Значит, Никита давал им деньги. А я еще удивлялась, как это Лара при своей скромной зарплате может позволить себе покупать дорогие вещи и каждое лето ездить на море. Думала, конечно, про помощь отца ребенка. Вот только не знала, кто им был.

— И тебя совсем не мучает совесть? — я не понимаю, как такое может быть. — Ты столько лет обманывала меня! Ты даже не пыталась держаться от меня подальше. Наоборот,

разыгрывала верную подругу. А вспомни, как часто ты просила меня посидеть с Мотей? Ты считаешь, что это нормально?

— Ну, прости, — отвечает она. — Что я могу еще сказать? Но мне казалось, что тебе самой было приятно возиться с Матвеем. Ведь своих детей у тебя завести так и не получилось.

Она знает, что одной своей фразой про детей она сразу выбивает меня из колеи. Она делает это намеренно.

— Убирайся! — рявкаю я.

— Женя, ну какой смысл нам теперь друг на друга орать? — она даже не думает двинуться с места. — Прошлого уже не исправить. Ты думаешь, мне было не больно, когда он женился не на мне, а на тебе? Я тогда каждую ночь рыдала в подушку. Но понимала, что ничего с этим сделать не могу. Ты была девочкой из богатой семьи, брак с тобой сразу становился для Ника трамплином. При таком тесте начать свое собственное дело было гораздо проще. А что ему могла предложить я? Только себя саму.

— И ты с удовольствием сделала это прямо на нашей свадьбе.

— Да, — по ее ярко накрашенным губам пробегает улыбка, — это показалось мне забавным. Увести к себе жениха в первую брачную ночь! Ты спала как младенец, а он в это время трахался со мной. Как еще я могла тебе отомстить?

— Отомстить? — переспрашиваю я. — За что, Лара? Я даже не знала, что Ник тебе нравился.

Все эти годы она была мне как сестра. Я поверяла ей все свои тайны. И я жалела ее — такую хорошую и такую одинокую.

А они с Ником наверняка смеялись надо мной.

— А если бы знала? Неужели, ты бы мне его уступила? Не говори ерунду, Женя. В любви нет друзей и подруг. Тут каждый сам за себя.

Это я уже поняла. Жаль, что поняла только сейчас.

— И что теперь? Ты так и продолжишь всё скрывать? Так и останешься в стороне и любимому мужчине быть женатым на другой?

А вот теперь она поднимается с кресла. Подходит к дверям, берется за ручку. Потом оборачивается и странно улыбается:

— Глупышка, ты так ничего и не поняла!

Глава 4

Я не закатываю истерику при гостях не потому, что меня попросил об этом Никита. Мне просто не хочется ставить в неловкое положение своего отца. Я вообще не знаю, как сказать ему о том, что все годы нашего брака муж мне изменял. Что он вообще женился на мне лишь потому, что я была дочерью Михаила Георгиевича Аргунова, владельца крупнейшего в нашем регионе медиахолдинга, в который входили несколько газет, областной телеканал, пять рекламных агентств (с одного из них в девяностые отец и начинал) и типография.

Лет пять назад отец начал отходить от дел в силу возраста и ухудшения здоровья. Часть компаний была продана, а в оставшихся он оставался главой лишь формально, постепенно передавая все функции по управлению Нику. Он так гордился своим зятем, что доверял ему куда больше, чем мне.

Что будет с отцом теперь, когда он поймет, что Никита совсем не такой, каким казался?

И встанет ли папа на мою сторону, если я скажу ему, что развожусь с мужем? Одобрят ли он вообще наш развод? Или, как и Никита, станет уговаривать меня не пороть горячку? Потому что «это бизнес, детка»! Сохранить семью, чтобы никто не усомнился в могуществе Аргуновых? Вот только от бывшего могущества уже мало что осталось.

Я никогда прежде не задумывалась о том, что будет, если мы с мужем решим развестись. Такого сценария никогда не было даже в моем воображении. А сейчас я задумываюсь, но не нахожу ответа. Я никогда особо не вникала ни в дела отца, ни в дела мужа. И хотя я окончила университет по специальности «Реклама и связи с общественностью» и даже работала пару лет в одном из наших рекламных агентств, за последние пять лет я уже почти забыла про это.

Ник считал, что работать мне было ни к чему.

— Малыш, большинство женщин мечтают сидеть дома и просто создавать там уют. А у тебя такая возможность есть. Зачем же от нее отказываться?

И я сидела дома. Тем более, что по хозяйству мне делать особо ничего и не было нужно, так как у нас была домработница.

Папа, как и Ник, тоже считал, что это нормально. Его вторая жена Татьяна, моя мачеха, тоже была домохозяйкой. Но она хотя бы воспитывала сына — Фёдора, моего младшего брата. А чем все эти годы занималась я? Просто создавала уют?

Теперь я понимаю, что это было ошибкой. Я вполне могла бы вести какие-то рекламные проекты. Я всё равно помогала Никите это делать. А со временем, набравшись опыта, могла и возглавить одно из рекламных агентств. А вместо этого я всё свое время посвящала мужу. Мужу, который этого не оценил.

Я сижу у окна и смотрю, как отъезжают от отеля машины наших гостей. Лариса уезжает одной из первых.

Я так и не поняла ту фразу, которую она мне сказала, когда покидала мой номер. А уточнять не стала. Мне неприятно было с ней разговаривать, и я мечтала только о том, чтобы она поскорее ушла.

И даже если она сама готова была мириться с текущим положением вещей, то я не собиралась этого делать. Даже если Ник не захочет давать мне развод. Даже если отец будет против. Между нами с мужем было слишком много лжи.

Стук в дверь вырывает меня из раздумий.

— Дочка, ты уже встала? — отец входит в комнату — большой и внешне неуклюжий как медведь.

Но эта неуклюжесть — только иллюзия, которая очень часто вводила в заблуждение его врагов и конкурентов.

Мы обнимаемся, и он укоризненно качает головой:

— Тебе следовало выйти на завтрак. Я понимаю, что ты не выспалась и в свой праздник имеешь полное право понежиться в кровати до обеда. Но помимо прав, дорогая, у нас есть еще и обязанности. Тебе не следует об этом забывать. Все эти люди приехали, чтобы вас поздравить и нужно относиться к этому с уважением.

— Папа, нам надо поговорить!

Он смотрит на меня чуть внимательней, хмурится. Но ответить ничего не успевает, потому что в дверях появляется Таня.

— Миша, Павел Ильич спрашивает, поедем ли мы в город вместе с ним. Ты, кажется, говорил, что вам нужно что-то обсудить. А он уже уезжает.

Моя мачеха, как всегда, выглядит почти безупречно. Она отчаянно пытается выглядеть моложе своих лет, и у нее довольно неплохо это получается. Вот только с каждым годом усилий для этого ей приходится прикладывать всё больше и больше.

Тут она спохватывается, что начала разговор не с того, и подходит ко мне с дежурным поцелуем в щеку.

— Женечка, ты прелестно выглядишь! Но ты должна была быть на завтраке вместе с Ником! Это обязанность жены, не так ли?

Она улыбается, но в её улыбке тепла нет ни на йоту.

— Дочка, прости, но нам и правда пора. А поговорить мы можем и в городе. Приезжай к нам завтра вечером. Хорошо?

И они уходят, оставляя меня в номере одну. На первом этаже еще хлопают двери, а под окном прогреваются готовящиеся к отъезду машины.

— Женька, ты как? — врывается ко мне еще одна моя подруга, Надя Комарова.

Мы с Надей дружили еще со школы, а вот когда я поступила в универ, а потом и вышла замуж, наши пути немного разошлись. Теперь я об этом жалела.

— Достали все, да? — смеется она. — Как я тебя понимаю! Зачем вы вообще пригласили такую толпу народа? Отметили бы праздник вдвоем.

Но «вдвоем» это не про Никиту. Ему из всего нужно сделать информационный повод. А такой праздник — это дополнительная возможность завязать или укрепить отношения с деловыми партнерами.

— Ой, да что я лезу к тебе со своими советами? — она одергивает себя сама. — Я ведь зашла сказать, что была рада повидаться! Приятно было вспомнить детство. Не пропадай, ладно?

Может быть, она сказала бы и что-то еще, но приходит Ник, и она спешно ретируется.

Муж закрывает дверь и тоже подходит к окну. Мы вместе смотрим, как Надя забирается в последнюю отъезжающую от крыльца машину.

— Кажется, ты хотела поговорить? — напоминает он.

Глава 5

— Да, хотела, — киваю я. — Думаю, ты и сам понимаешь, что после того, что случилось сегодня, продолжать наши отношения невозможно. Поэтому я подаю на развод.

Это точно не становится для него сюрпризом. Он невозмутимо кивает, задерживает шторы и отходит от окна.

— А ты хорошо подумала, Женя? Это очень серьезный шаг, и назад пути уже не будет.

— А о чём тут думать, Ник? — удивляюсь я. — Ты обманывал меня десять лет. Да, я признаю, что сама была душой. Наверно, я давно уже должна была что-то почувствовать, понять, о чём-то догадаться. Но я просто слишком тебе доверяла. Когда мы познакомились, мне было всего восемнадцать. Глупая наивная девочка, которая полностью растворилась в любимом мужчине.

— Женя, — он раздраженно морщится, — вот давай только без патетики! Ты хочешь убедить меня в том, что я подлец и воспользовался твоей доверчивостью? Да, наверно, так и есть. Ну, прости! Что я могу еще сказать?

— А тебе и не нужно ничего говорить, — отвечаю я. — Ты сказал уже достаточно. И Лара тоже.

Меня удивляет только то, что Никита этим утром оказался таким откровенным. Ведь он мог сделать вид, что измена случилась только сегодня. Выпил лишнего, пошел прогуляться и сам не понял, как оказался в чужой постели. Да, глупо, но, возможно, в этом случай у него был шанс на прощение.

Всё-таки случайная измена это совсем не то, что измена длиною в десять лет. Тоже предательство, но более мелкое, что ли. И если бы он убедил меня, что по-прежнему любит только меня, то я бы, наверно, его простила. Подругу нет, а вот его бы пожалела. Потому что любила его сама.

Но он зачем-то сказал про деньги моего отца. И позволил Ларе наболтать лишнего. Неужели от так уверен, что я не захочу ничего менять? Что предпочту спрятаться за красивым фасадом внешне почти идеального брака, лишь бы никто не узнал правду?

— Да, я погорячился, — признает он. — Но это не значит, что я хочу с тобой расстаться. Я предпочел бы сохранить наш брак.

Я не понимаю, как он может такое говорить! Неужели чувства для него совсем ничего не значат?

— А зачем, Ник? — спрашиваю я. — Зачем сохранять наш брак? Чтобы ты мог козырять тем, что ты зять самого Аргунова? Это открывает тебе те двери, которые не открылись бы для Никиты Некрасова?

— Да, и это тоже, — он даже и не думает спорить.

— А что еще? — не унимаюсь я. — Еще тебя устраивает умная и покладистая жена, которую можно вывести в люди и которая терпеливо ждет тебя дома и не устраивает тебе истерик, если ты задерживаешься на работе? Да, забыла! Которая еще и помогает тебе тащить те проекты, которые не вывозят твои подчиненные.

— Да, меня это устраивает, — цинично подтверждает он. — Но разве это не устраивает и тебя саму? У тебя респектабельная семья, успешный в бизнесе муж, красивый дом. У тебя есть деньги на все твои хотелки. Так чего тебе нужно еще? Зачем что-то менять, Женя?

Передо мной словно стоит совсем другой человек. Не тот, которого я знала десять лет. Тот пел мне серенады под гитару, дарил цветы и объяснялся в любви. А этот словно вообще не знает, что такое любовь. Да и знать, похоже, не хочет.

— Что мне нужно? — переспрашиваю я. — Мне нужны любовь, доверие, нежность. Всё то, чего у нас с тобой точно быть уже не может.

Он снова морщится:

— Женя, это всё красивые слова! Ты думаешь, так много браков основаны на любви? Глупости! В основе всегда лежат выгода или страх. Да, страх! Страх остаться брошенным, остаться одной или одним. Неужели ты в самом деле этого не понимаешь?

Я мотаю головой. Я и не хочу этого понимать! Я не хочу становиться такой же циничной, как он.

— А Лариса и твой сын? — решаю я зайти с другой стороны. — Разве тебе не хочется, чтобы у вас была нормальная семья? Чтобы ты приходил к ним не короткими набегами и тайком, а каждый вечер. И чтобы Мотя мог называть тебя папой. Неужели твой бизнес стоит того, чтобы отказываться ради него от простого человеческого счастья?

Что-то всё-таки мелькает в его взгляде, когда я говорю о Матвее. Но только на миг.

— А разве им чего-то недостает? Я вполне способен обеспечить и их, и тебя.

Рано или поздно ему наверняка захочется нормального семейного тепла — в этом я уверена. И даже если сейчас я сохраню свой брак с ним, однажды он всё равно бросит меня — без раздумий и сожалений.

— А если я вдруг стал противен тебе как мужчина, — усмехается он, — то супругами мы можем оставаться лишь формально. У нас в доме достаточно места для двух отдельных спален.

— Перестань! — я повышаю голос. — Я сказала тебе, что намерена подать на развод. И что бы ты сейчас ни говорил, на мое решение это не повлияет.

— Хорошо, я понял. Тебе наплевать на наш брак. Ты же вся такая правильная. Тебе претит ложь. Но, может быть, прежде чем рубить с плеча, ты хотя бы подумаешь о своем отце? Ты только представь, каково ему будет узнать о том, что мы с тобой разводимся?

— Не понимаю, при чём тут он, — теперь я говорю уже тише. — Да, ему будет неприятно, но мы живем не в девятнадцатом веке, чтобы развод стал позором для всей семьи.

— Неприятно? — умиляется Ник. — Ты думаешь совсем не о том, Женя! Ему будет не просто неприятно. Он будет в шоке! Если ты помнишь, я не только его зять, но еще и его правая рука. Это я контролирую в его компаниях все бизнес-процессы, я ищу заказчиков и заключаю договоры. Да, имя твоего отца по-прежнему много значит, но что будет с этим именем, если из ваших компаний уйду я? И не забывай, что у твоего отца большое сердце. Такие потрясения ему совсем ни к чему. И вот теперь я спрошу тебя снова — ты действительно всё еще хочешь развода?

Глава 6

Я обдумываю его слова, а он принимает мое молчание за знак согласия с его выводами и удовлетворенно кивает:

— Ну, вот и умница. Одевайся, а я пока отнесу вещи в машину.

Мне нужно поговорить с папой! И не завтра, а сегодня! Я сама должна рассказать ему о Нике, прежде чем он узнает это от кого-то другого. Да, бизнес всегда был очень важен для него, но не настолько, чтобы жертвовать ради него интересами собственной дочери.

Почти всю обратную дорогу до дома мы молчим. Играет музыка, но даже если бы стояла тишина, я не захотела бы ничего говорить. Мне слишком многое нужно обдумать.

Время от времени Никита отвечает на телефонные звонки. Всё строго по работе. Да, ему часто звонят и в выходные, и я к этому уже привыкла. Раньше меня это даже восхищало — в этом он был похож на моего отца.

А теперь я задумываюсь о том, какой процент из таких звонков на самом деле бизнеса не касался вовсе. И сколько дней из тех, что он якобы провел в офисе, в реальности он посвятил Ларисе?

Сейчас я кажусь себе полной и абсолютной дурой. Как можно было ничего не заметить за столько лет? Почему я позволила себе думать, что именно мой муж уж точно не пойдет налево? Потому что «у нас же любовь»?

Мы познакомились, когда я училась на первом курсе университета. А Ник тогда уже заканчивал магистратуру по направлению «Менеджмент» и имел собственный, пусть и небольшой, но прибыльный бизнес.

Именно этим он тогда и понравился моему отцу — тем, что в отличие от других моих ухажеров, уже крепко стоял на ногах. Папа всегда считал, что женщина должна выходить замуж только за того, кто может ее обеспечить.

Ник говорил, что влюбился в меня с первого взгляда, и до сегодняшнего дня я в этом не сомневалась. А сейчас я уже почти уверена в том, что он подошел тогда ко мне не просто так, а уже прекрасно зная, что я — дочь Аргунова.

А вот я тогда действительно влюбилась в него сразу. Да и разве можно было устоять перед красавцем-старшекурсником, за которым бегала куча девчонок? Я еще и гордилась тем, что из всех он выбрал меня. Думала, что причиной тому были мои внешние и внутренние качества. А оказалось — деньги моего отца.

Мы добираемся до нашего двухэтажного особняка за полтора часа. Из-за сильного снегопада на дорогах заносы, и несколько раз нам приходится стоять в пробках.

У нашей домработницы сегодня выходной, и сейчас я этому рада. Иначе она бы стала спрашивать, как прошло торжество, восторгаться коробками с подарками, которыми была завалена вся машина Ника, и мне пришлось бы что-то ей отвечать.

Никита за несколько раз заносит вещи в дом, а потом говорит:

— Женя, я отлучусь на пару часов. Ты сама слышала — эти обормоты опять напутали что-то с текущим проектом. А нам нужно представлять его заказчику уже завтра.

Наверняка он врёт и на самом деле поедет сейчас к Ларисе. Ведь там, в отеле, они же не успели события сегодняшнего дня. А им тоже нужно между собой как минимум договориться.

Но мне отчего-то на удивление всё равно. Более того, я даже рада, что он уезжает. Потому что сама собираюсь поехать к отцу.

И когда машина мужа скрывается из вида, я завожу свою. Наверно, нужно позвонить папе и предупредить, что я приеду. Но я решаю, что лучше так, без предупреждения.

Дверь мне открывает Татьяна.

— Женя? Ты как тут оказалась? Я была уверена, что вы с Ником продолжаете отмечать свадьбу. Или вы приехали вместе?

Я не успеваю ответить, потому что слышу раздраженный голос отца.

— Таня, кто там?

Он явно не в духе.

— Это Женечка! — откликается мачеха.

Отец выходит в прихожую и смотрит на меня из-под насупленных бровей.

— Женька? А Никита с тобой?

Я качаю головой — нет, не со мной. А отец вздыхает:

— Жаль. Мне нужно кое-что с ним обсудить. Может быть, ты ему позвонишь, чтобы он тоже приехал?

— Нет, папа, — твердо говорю я. — Я не буду ему звонить. Потому что мне тоже нужно с тобой поговорить. Без Ника.

— Женя, давай потом, — отмахивается он. — Сейчас я вынужден думать совсем о другом. Извини, но ты зря приехала именно сегодня. У нас возникли кое-какие проблемы, и сейчас я полностью ими поглощен. И мы, вроде, договаривались с тобой на завтра?

У Татьяны звонит мобильник, и она уходит на кухню.

— Да, договаривались на завтра, — соглашаюсь я, — но дело срочное.

— Женя, ты не понимаешь, — сердится он. — Кто-то пытается нас разорить, и если ты не хочешь остаться с голой задницей, то просто позвони своему мужу и попроси его немедленно приехать сюда. А сама поезжай домой. Нам с ним сегодня будет не до тебя.

— Разорить? — переспрашиваю я.

У меня начинает отчаянно стучать сердце, и я опускаюсь на пуфик, что стоит в прихожей у дверей.

— Да, именно так! — подтверждает отец. — Как ты помнишь, в город мы с Таней сегодня ехали в машине Павла Ильича, и он сказал мне, что до него дошли слухи, что наши компании на грани банкротства, и что кто-то настоятельно советует нашим заказчикам не продлевать контракты с нами, а идти к нашим конкурентам. Ты понимаешь, насколько это серьезно? У кого-то, кто хочет нам навредить, есть база данных наших клиентов! И крыса, которая им эту базу слила, наверняка работает у нас! Теперь тебе ясно, почему мне срочно нужно поговорить с Никитой?

Да, теперь мне это ясно. Как ясно и то, что эта крыса наверняка сам Никита и есть.

Глава 7

— Папа, пойдём в кабинет!

Мне уже не по себе от мысли, что мы, возможно, уже опоздали. Что Никита уже запустил свою лару в папин карман и выгреб оттуда всё, что сумел. Что он оказался не просто изменщиком-мужем, но ещё и мошенником. Самым обыкновенным мошенником.

— Женья, ты не понимаешь, насколько это серьезно! — отец ещё пытается меня выпроводить, но всё-таки идет за мной в кабинет.

— Я понимаю, папа, — я закрываю дверь, усаживаю его в большое кресло, а сама сажусь на диван. — Боюсь, этого как раз не понимаешь ты.

Он хмурится и, кажется, собирается возразить. Но я не даю ему возможности этого сделать.

— Папа, Никита мне изменяет! — выпаливаю я и внутренне сжимаюсь от страха.

Это признание дается мне нелегко. Да, мной пренебрегли ради другой, и теперь моя самооценка как женщины почти на нуле. А учитывая, что я не смогла и забеременеть, я и вовсе чувствую себя жалкой.

— Что??? — глаза отца округляются. — Что ты такое говоришь, Женья? Уверен, что ты ошибаешься.

Ах, если бы, папочка! И если бы проблема была только в наших с мужем отношениях!

— К сожалению, не ошибаюсь. Он изменяет мне с Ларисой Зиберт.

Но отец мотает головой. Он не хочет этому верить.

— Какая ерунда, Женья! С Ларисой? Она же твоя подруга.

Ну, да, вот такая подруга.

— Девочка моя, — отец поднимается с кресла и садится ко мне на диван, — расскажи мне всё. Может быть, ты просто неправильно всё поняла?

Я усмехаюсь:

— Папа, я застала их в одной постели! Неправильно понять тут было невозможно. И они оба это признали.

Я не знаю, как сделать следующий шаг. Как перейти от одного предательства к другому. Как сказать отцу, что Ник предал не только меня, но и его самого.

— Ну, даже если допустить, что между ними что-то было, — осторожно начинает отец, — это же не конец света, правда? Да, мужчины, к сожалению, не моногамны. Ты уже достаточно взрослая, чтобы это понимать. И даже если он разок сходил налево, это вовсе не значит, что он тебя разлюбил.

Я так и думала, что он будет готов оправдать измену зятя. И вовсе не из мужской солидарности, а потому, что до сих пор считает, что Ник для меня — лучшая партия. Что за ним я как за каменной стеной.

— Дорогая, в жизни всякое случается. Если бы каждая измена приводила к распаду брака, браков бы уже не осталось. Вам с Ником нужно просто перезапустить свои отношения. Он слишком много работает, и вы мало времени проводите вместе. Почему бы вам куда-нибудь не съездить? На Мальдивы, например. Татьяна всё пытается меня туда затащить. Море, солнце, пляж — вам обоим это пойдет на пользу. А с Ларисой поговорю я сам. Она должна будет убраться и из вашей жизни, и из этого города. Не беспокойся, я заплачу ей столько, что у нее не будет претензий.

Он всегда считал, что любую проблему можно решить с помощью денег. Как же он ошибался!

— И может быть, вам уже попробовать ЭКО? — добавляет он. — Когда у вас появится малыш, всё сразу изменится.

— У Ника уже есть малыш, — я смотрю отцу прямо в глаза. — Матвей — сын Ларисы — это и его сын! Ник изменял мне все десять лет, что мы были в браке.

А вот это заставляет отца занервничать. Он наконец-то начинает понимать масштаб проблемы.

— Женя, это какая-то ошибка! Это не может быть правдой! Если он встречался с этой Ларисой еще в то время, то зачем ему было жениться на тебе?

— Хороший вопрос, папочка! — горько улыбаюсь я. — А теперь ответь на него сам.

Он тоже смотрит на меня, и я замечаю, как раздражение в его взгляде сменяется сначала недоумением, а потом страхом. Но он молчит, и сказать это приходится мне.

— Он сказал, что женился на мне из-за твоих денег.

Вот и всё! Теперь я знаю это не одна. И если мы еще не опоздали, то я понимаю — гнев отца будет страшен. И Нику сильно не поздоровится, когда этот гнев обрушится на него.

— Ты хочешь сказать, что, работая в нашей компании все эти годы, он мог преследовать свои собственные интересы?

— Я не знаю, папа, — честно признаю я. — Но он не мог не понимать, что рано или поздно я узнаю о его измене. И наверняка подстелил соломку. Но в этом я не уверена. Поэтому давай не будем действовать сгоряча. Просто будь настороже и постарайся узнать, не мог ли Никита тебе навредить.

Он молчит, обдумывает то, что я сказала. И на его лице ходят желваки. Наконец, он выдыхает:

— Если бы ты знала, дочка, как всё это некстати именно сейчас!

Как будто бы предательство когда-то бывает кстати.

— Мы вот-вот должны были заключить контракт с «Серенда-Лесом» — крупнейшим лесным холдингом в нашем федеральном округе. Речь идет о десятках миллионов рублей. Им нужна масштабная PR-кампания, и они готовы хорошо за нее платить. И если сделка сорвется, то мы окажемся в не самом лучшем финансовом положении.

— Значит, ты должен курировать этот контракт лично, без участия Никиты, — говорю я. Отец кивает.

— Да, разумеется, я и так это делал. Но я боюсь, как бы слухи, которые распространяют среди наших заказчиков, не дошли и до них. Такие серьезные люди не будут разбираться, кто прав, кто виноват. Они просто найдут себе другое агентство, вот и всё.

Теперь уже я думаю над его словами. Никита не стал бы вредить нашему бизнесу просто так — он же не идиот. И либо он всё-таки не имеет к этому отношения, либо у него есть в этом деле какой-то интерес.

— Папа, ты извини, пожалуйста, что я задаю этот вопрос, но мне нужно знать — а что именно в наших фирмах принадлежит моему мужу?

Глава 8

Нельзя сказать, что я совсем не интересовалась делами отца и мужа. Интересовалась, конечно. Более того, я иногда просматривала и бухгалтерскую отчетность наших компаний. Но прежде всего, меня интересовал их финансовый результат. А во внутреннюю кухню я обычно не лезла.

Иногда я спрашивала что-то у мужа, но старалась сильно его расспросами не доставать — подобных разговоров ему хватало и в рабочее время, а дома от этого нужно было отдыхать.

У Никиты было свое общество с ограниченной ответственностью — то самое, которое он создал еще до знакомства со мной. Но когда он стал моим мужем и начал потихоньку вникать в дела наших компаний, на собственный бизнес времени у него уже не хватало, и однажды он принял то решение, которого и ждал от него мой отец — он продал свое дело и стал совладельцем части нашего. Правда, эта часть была небольшая. Но это было почти восемь лет назад.

А пять лет назад у папы зашалило сердце, и врачи запретили ему работать в том режиме, в котором он привык. Ему пришлось проходить многочисленные обследования, ездить по крупным медицинским центрам и у нас в стране, и за рубежом и, наконец, согласиться на сложную операцию, после которой он вынужден был оставить часть своих постов. Тогда он и продал телеканал, типографию и часть газет, которые требовали слишком много внимания, и из пяти рекламных агентств ликвидировал три, сосредоточившись на двух остальных. Во всех этих делах ему помогал Никита.

— Что принадлежит? — переспрашивает отец. — Около четверти нашего бизнеса. Неужели ты думаешь, что я позволил бы ему получить контрольный пакет? Я, разумеется, никогда в нём не сомневался, но я всё-таки не идиот, чтобы лишать себя возможности принимать решения единолично. Это наше семейное дело, и даже зятю я его не уступлю.

Одно из наших агентств так и называлось — «Наше дело». В нашей области это было крупнейшее рекламное агентство, составной частью которого были и две газеты. Оно было акционерным обществом, но большинство акций принадлежало членам нашей семьи.

— Значит, двадцать пять процентов акций принадлежит Нику, — резюмирую я. — Но ведь есть и сторонние акционеры, правда?

— Еще около двадцати процентов, — хмыкает отец. — Это всё равно меньше, чем половина. А что касается двух других наших компаний — типографии и пиар-агентства, то они едва сводят концы с концами, и на них Ник уж точно не стал бы покушаться. Их тоже давно уже следовало бы продать, но ты же знаешь, почему я этого не делаю. Типография нужна нам, чтобы работать в связке с рекламным агентством. А пиар-агентство...

Пиар-агентство формально было моей собственностью. Но его работа обычно активизировалась разве что в период предвыборных кампаний. Оно было маленьким и совершенно нерентабельным. Когда-то я хотела всерьез заняться им, но Ник посчитал, что пиар — это слишком грязное и не слишком благодарное дело.

— Значит, Ник не сможет нам навредить? — мне стало чуть легче дышать.

— Разумеется, нет, дорогая, — усмехнулся отец. — Но, мне кажется, ты насмотрелась глупых сериалов и вбила себе в голову невесть что. Даже если вы с Никитой всё-таки решите развестись, то, уверен, вы сможете сделать это цивилизованно, без скандалов и взаимных обвинений. Но я надеюсь, что даже развода вы всё-таки сумеете избежать. Конечно, твоего мужа следует наказать за то, что он повёл себя с тобой столь непорядочно. Но я думаю, что он и сам уже об этом сожалеет. Впрочем, это ваше дело, и я не собираюсь в него вмешиваться. Я только хотел бы попросить тебя не принимать поспешных решений.

— Хорошо, — киваю я. — Но давай вернемся к тому, с чего мы начали наш разговор. Ты сказал, что кто-то хочет опорочить нашу компанию перед нашими клиентами.

Он вздыхает:

— Да, с этим еще нужно разобраться. Но я уверен, что Никита тут ни при чем. Зачем бы ему это было делать? Ведь в нашем бизнесе есть и его доля.

— Но прибыль компании сильно упала, — не отступаю я. — Разве не так? А ведь ею управляет именно Никита.

— И что же в этом такого? — удивляется отец. — Сейчас у многих компаний не самая лучшая ситуация. И раз у наших клиентов дела идут не слишком хорошо, то они вынуждены сокращать расходы на рекламу. Но у нас есть определенная стратегия, так что не беспокойся. Если мы заключим договор с «Серенда-Лесом», то всё сразу переменится. Но если тебе так будет спокойнее, то я пообщаюсь с руководителем аудиторской фирмы, которая недавно проводила у нас проверку. Если бы твой муж мошенничал, они бы непременно это выявили. Так что сосредоточься на своих личных отношениях с мужем и не забивай голову тем, что тебя не касается. С Ником поговорю и я сам.

— Не надо, папа, — качаю головой я. — С этим мы разберемся сами. Тебе нельзя волноваться, ты помнишь?

Отец обнимает меня и несколько минут мы сидим молча.

— Нет, я непременно с ним поговорю. Как мужчина с женщиной. Уверен, что его это не удивит. Он изначально должен был понимать, что за тебя есть кому заступиться. Может быть, ты хочешь остаться у нас с Таней на пару дней? А то съезди куда-нибудь одна — отдохни, развейся. А Некрасов еще приползет к тебе на коленях. Никакая Лариса с тобой не сравнится.

Для папы я всегда была самой лучшей. Вот только Ник никогда так не считал.

Глава 9

Предложение погостить у отца довольно заманчиво, но я понимаю, что проблему это не решит. Наоборот, потом возвращаться к себе домой будет только трудней.

Как только я выхожу из папиного кабинета, он закрывает дверь и сразу же кому-то звонит. Разговор с ним меня немного успокаивает. Мне не хотелось бы, чтобы наши с Ником отношения сказались бы на всей семье.

— В компании всё плохо, да? — Татьяна усаживает меня пить чай, наверно только для того, чтобы расспросить, о чём мы с папой разговаривали. — Я слышала краем уха, пока мы ехали в машине, что кто-то пытается нам сильно навредить. Это же ужасно, правда?

— Будем надеяться, что папа с этим справится, — дипломатично отвечаю я. — Он в бизнесе уже давно и знает, что нужно делать.

Я допиваю чай и еду домой. В окнах горит свет, а значит, Ник уже дома. Я открываю дверь своим ключом, надеясь, что муж проведет весь этот вечер на расстоянии от меня. Но нет, он выходит в прихожую, помогает мне снять пальто.

— Ужинать будешь? — спрашивает он.

Как будто ничего не случилось. Как будто мы по-прежнему любящая и дружная семья.

Но я понимаю, что приглашение к ужину — это не про еду, а прежде всего, про разговор. Кроме того, я не хочу, чтобы Ник думал, что я боюсь с ним общаться. А потому иду на кухню и тоже накладываю себе в тарелку немного лазаньи.

— Уже пожаловалась Михаилу Георгиевичу? — интересуется он.

— Не пожаловалась, а рассказала, — уточняю я. — Должна же я была хоть с кем-то об этом поговорить. Раньше я думала, что могу быть откровенной с тобой или Ларой. А сейчас для этого у меня, кроме папы, никого не осталось.

— Вообще-то это довольно глупо с твоей стороны, Женя, — он невозмутимо пожимает плечами. — У твоего отца сейчас хватает своих забот. Он звонил мне недавно. Сказал, что ты уже тоже это знаешь. У нашей компании сейчас не самые простые времена. А ты еще взвалила на отца свой груз.

Он отчитывает меня как нашкодившего котенка. Как будто бы это я виновата в том, что случилось.

— Он должен был знать, что мой муж меня предал, — холодно говорю я.

— Думаешь? — усмехается Ник. — А я полагал, что мы с тобой разумные взрослые люди, которые способны разобраться в своих отношениях сами.

— Рано или поздно он всё равно бы об этом узнал. А так узнал хотя бы от меня, а не от постороннего человека. А что касается разумных взрослых людей... Ты прости, но я думаю, что нормальный мужчина не стал бы спать с любовницей в первую брачную ночь. Для этого можно было найти любое другое время. А вступая в брак, ты должен был понимать, что принимаешь на себя ответственность — за нашу семью, за меня, за наших будущих детей. А ты повел себя безответственно.

— Женя, ну к чему сейчас всё это? — морщится он. — Ты решила поучить меня правилам хорошего тона? Да, я был неправ. Если я признаю это, тебе будет легче? Но я тогда был молодым и глупым.

— А сейчас? — спрашиваю я. — Ты повторил всё то же самое спустя десять лет.

— Женя, я был пьян. И Лара тоже.

Значит, они оказались слишком откровенными лишь потому, что были пьяны? А теперь он трезв и пытается всё исправить?

— А знаешь, — я отодвигаю тарелку и смотрю мужу прямо в глаза, — это даже хорошо, что вы сказали мне правду. Потому что иначе я так и пребывала бы в том придуманном мире,

который не имеет никакого отношения к реальности. А сейчас я хотя бы знаю, кто вы на самом деле.

— Женя, давай без драмы, — просит он. — Разве я силой тащил тебя в ЗАГС? Ты сама меня выбрала. А могла бы выйти замуж за какого-нибудь скромного ботаника, который любил бы тебя и носил на руках всю жизнь. Но ведь вам, бабам, ботаники не нужны? Вам подавай загорелых атлетичных мачо. А мачо не могут быть верными по определению, понимаешь? У нас слишком много соблазнов. Нам каждая готова дать. И если бы не Лариска, я трахал бы другую телку.

Мне противно его слушать. Но противно еще и потому, что я понимаю — в чём-то он прав. Среди моих кавалеров действительно были скромные и надежные парни, которых я оставила за бортом, потому что они никак не могли конкурировать с Некрасовым. Мне льстило, что такой красавчик выбрал меня. Я повелась на яркую обертку.

— Значит, это не про любовь? И Лару ты тоже не любишь?

— Женя, любовь — это просто красивые бредни. Ее придумали поэты, чтобы было о чём писать стихи. А на самом деле это всего лишь играют гормоны. Тестостерон, понимаешь?

— И всё-таки ты клялся мне в любви, — напоминаю я. — И наверняка не только мне.

Он улыбается, сверкая белоснежными зубами.

— Девочка моя, я всего лишь придерживался сложившихся правил. Когда ухаживаешь за девушкой, принято говорить о любви. Если бы ты тогда была постарше, ты бы сама это понимала. Наверно, не стоило выходить замуж в восемнадцать лет. Ты сама придумала себе красивую сказку. Я в этом не виноват.

Как у него всё легко и просто. А может, так и надо — ни в кого не влюбляться, а просто использовать тех, от кого ты можешь получить какую-то выгоду? Но почему-то всё во мне протестует против этого. И именно сейчас мне отчаянно хочется, чтобы однажды наступил тот день, когда Некрасов влюбился сам. И чтобы он на собственной шкуре почувствовал, каково это — любить и не быть любимым в ответ.

Глава 10

Мы спим в разных комнатах. А в понедельник я, хоть и просыпаюсь, как обычно, в семь утра, продолжаю лежать в постели до тех пор, пока Ник не уезжает на работу.

Завтрак ему прежде всегда готовила я. Сам он наверняка даже не знает, что и где из продуктов и посуды находится у нас на кухне.

Когда за ним закрывается входная дверь, отмечаю, что он вышел из дома на полчаса раньше обычного — чтобы по дороге на работу заехать позавтракать в кафе. Заехать к Ларисе за это время он не успеет, она живет на другом конце города. Ничего, пусть привыкает.

Сама я поднимаюсь с кровати с твердым намерением тоже стать работающим человеком. У меня есть собственная фирма, про которую я на протяжении нескольких лет едва вспоминала. Ни отца, ни Ника она совсем не интересовала. Зачем им крохотное пиар-агентство, если у них есть компания, которая приносит миллионы?

Я варю кофе, жарю яичницу. После завтрака сажусь за компьютер и захожу на сайт своего агентства. Он скучен и не информативен до безобразия. Вот с него и начнем. Я делаю пометки в блокноте. А потом вспоминаю о том, что даже не знакома с теми людьми, которые там сейчас работают. За последние пару лет я бывала там несколько раз, и мне даже представляли сотрудников, но их имена и фамилии не отложились у меня в памяти. Сейчас мне за это ужасно стыдно.

— Евгения Михайловна, доброе утро! — приветствует меня наша домработница Марина Сергеевна. — Я собираюсь на рынок.

Обычно за выходные я составляю примерное меню на неделю — Ник любит разнообразие в еде, и мы с Мариной стараемся сделать так, чтобы блюда не повторялись. Но сейчас меня настолько не волнует этот вопрос, что я отдаю всё в руки домработницы. Если Никита будет чем-то недоволен, то он не только завтракать, но и обедать, и ужинать может в ресторане.

Звонок от отца раздаётся после обеда. К тому времени я уже успеваю изучить бухгалтерскую отчетность своей компании и прийти в ужас — активы фирмы за три года сократились почти наполовину, а кредиторская задолженность, напротив, выросла. И никого, похоже, это совершенно не волновало. Хотя по крайней мере одного человека это должно было волновать — меня! Но что толку сейчас себя ругать?

— Папа, как хорошо, что ты позвонил! У меня есть к тебе несколько вопросов!

— Подожди, Женя! Давай потом.

Его голос такой усталый, что я сразу начинаю беспокоиться.

— Что-то случилось? Ты на работе?

— А где еще я могу быть? — раздраженно интересуется он. — Разумеется, на работе! Сегодня с утра я пригласил к себе аудиторов — не тех, что проводили у нас проверку, а совершенно других. Я работал с ними когда-то давно. Они изучили нашу отчетность и тот аудиторский отчет, что был по ней составлен. Конечно, это лишь беглый взгляд, но и его оказалось достаточно, чтобы поставить под сомнение ту информацию, которая написана в отчете. Похоже, реальная картина сильно отличается от того, что мне хотели показать. И не только мне, разумеется, но и другим акционерам.

— Но ведь ваши аудиторы не стали бы искажать информацию просто так, — осторожно говорю я. — Значит, кто-то им за это заплатил.

— Конечно! — соглашается отец. — С ними работал твой муж. Так что, возможно, ты была права насчет него. А я, старый идиот, ошибался.

Он расстроен, обеспокоен и винит во всем себя. А самоедство у нас, Аргуновых, в крови. Я тоже часто им занимаюсь.

— Папа, ты ни в чём не виноват, — торопливо говорю я. — Ты просто доверился близкому человеку. И это я уговорила тебя заняться здоровьем и отойти от дел. Кто же мог знать, что всё так повернется?

— Ну, ничего, мы еще повоюем, — усмехается он. — Я назначил на вечер заседание совета директоров. А до этого поговорю с Никитой. Ему придется дать мне ответы на весьма неудобные вопросы. Но прежде я хотел спросить тебя — если дело окажется настолько серьезным, как я предполагаю, и я обвиню твоего мужа в мошенничестве и буду настаивать на возбуждении дела, ты не станешь просить меня его пожалеть?

Я отвечаю не сразу. Я всё еще нахожусь в прежней системе координат, где Никита — один из двух самых близких мне людей. И перестроиться не так-то просто. Каждый раз мне приходится снова и снова напоминать себе, что он меня предал. И не только меня.

— Нет, — наконец, выдыхаю я. — Не буду.

И всё равно, когда я кладу трубку, мне не по себе. И я уже ни на чем не могу сосредоточиться. Выключаю компьютер, берусь за книжку, которую начала читать несколько дней назад. Но в текст я тоже не могу погрузиться.

Марина Сергеевна зовет меня обедать. И я что-то ем, но даже не понимаю, что. Все мои мысли сейчас там, в папином кабинете. Я не могу не думать о том, что там происходит.

Как поведет себя Никита, когда поймет, что его разоблачили? И что было причиной того, что он так поступил? Он делал это намеренно? Выводил деньги фирмы через сомнительные сделки на свои счета? Или просто оказался никудышным руководителем и наделал случайных ошибок?

И я снова жду папиного звонка.

Звонок раздается ближе к вечеру. Но на экране телефона высвечивается имя Татьяны.

— Да, слушаю!

— Женя, срочно приезжай! — она рыдает в трубку.

По спине пробегает холодок от нехорошего предчувствия, а руки начинают дрожать.

— Что случилось?

— Миша... Мишу..., — она не может говорить и сбивается сразу же, как только произносит имя отца.

— Да говори же! — кричу я.

— Мишу парализовало!

Глава 11

Отец лежит в отдельной вип-палате, и меня туда пропускают даже в неприемные часы.

— Как хорошо, что ты пришла! — Татьяна вскакивает со стула, на котором сидела. — Я просто не знаю, что делать! Женя, он даже не шевелится!

Я уже успела поговорить с врачом. У папы случился инсульт. Острое нарушение мозгового кровообращения. Часть мозга поражена, и из-за этого многие функции организма утрачены на время или даже навсегда. У отца двустороннее нарушение подвижности, он не может пошевелить ни руками, ни ногами. И говорить он тоже не может.

— Объясни, что случилось, — прошу я. — Я так и не поняла, что ты сказала по телефону.

Да, собственно, по телефону она не сказала почти ничего. Только рыдала в трубку.

И сейчас она тоже шмыгает носом, готовая вот-вот снова расплакаться. И чтобы этого не допустить, я задаю ей еще несколько вопросов.

— Где он в это время был? Дома? На работе? Когда он звонил мне утром, он говорил, что будет работать до самого вечера. Что он созвал совет директоров.

— Да-да, он до обеда был на работе, — она собирается с силами и всё-таки начинает отвечать. — А потом приехал домой, сказал, что ему предстоит серьезный разговор, который он не хотел бы вести в офисе. Наверно, боялся, что там может кто-то подслушать.

— Разговор? С кем он разговаривал? Ты была дома? Ты слышала что-нибудь?

Я стараюсь говорить негромко, но от волнения голос повышается словно сам по себе, и Татьяна настороженно косится в сторону кровати. Но папа не подает никаких признаков того, что он нас слышит. Но даже если он и слышит нас, вряд ли сейчас это именно то, что его волнует. В таких ситуациях бизнес отходит на второй план, потому что становится ясно, что главное в жизни — совсем другое. Здоровье, любимый человек, семья.

— Эти вопросы ты можешь задать своему мужу, — шипит почти мне на ухо Татьяна. — Потому что разговаривал Миша именно с ним.

Нечто подобное я и предполагала, и всё же ее ответ приводит меня в дрожь.

Папа не хотел разговаривать с Ником в офисе при посторонних. Неужели, он еще надеялся, что всё прояснится и окажется совсем не таким, как мы предполагали? Он всё-таки хотел утаить шило в мешке.

— Неужели ты совсем ничего не слышала? — продолжаю допытываться я.

Конечно, я спрошу об этом и Некрасова. Но скажет ли он мне правду? А так у меня будет возможность сравнить его ответ с тем, что слышала Таня.

— Я не имею обыкновения подслушивать, — она обиженно поджимает губы. — Они закрылись в кабинете. По-твоему, я должна была стоять под дверью?

— Нет, конечно. Прости, — торопливо говорю я. — Но, может быть, они разговаривали достаточно громко?

Она снова смотрит на отца, словно пытается решить, не будет ли ответ на мой вопрос предательством его интересов.

— Под конец разговора они уже почти орали, — вздыхает она. — Но там уже шли такие взаимные оскорбления, повторить которые я ни за что не решусь. Насколько я поняла, Миша считал, что Ник его предал. А тот пытался оправдаться.

— Папе стало плохо во время разговора?

Таня качает головой:

— Нет. Никита к тому времени уже ушел. Миша позвал меня в кабинет и попросил сварить ему кофе. Сказал, что ему нужно сделать еще несколько звонков, а потом он придет на кухню, выпьет кофе и снова поедет на работу. Как раз на этот совет директоров. Я сварила кофе, сделала несколько бутербродов, а он всё не выходил из кабинета. И было уже не слышно,

чтобы он кому-то звонил. Я забеспокоилась, заглянула к нему, а он уже лежал у дивана. Увидел меня и что-то промычал. Говорить он уже не мог.

Она снова плачет. Судя по всему, больше ничего она не знает.

Я подхожу ко кровати. Непривычно видеть отца таким беспомощным. Я привыкла к тому, что он всегда был энергичным и сильным. Кто знает, сколько еще он пробудет в таком состоянии? И сможет ли вообще стать прежним?

И врач пока тоже не может сказать нам ничего конкретного.

— Вы же понимаете, скорость восстановления зависит от множества факторов. Прежде всего, от размера и локализации очага некроза. Больного доставили к нам довольно быстро, но он уже не молод, и у него были проблемы со здоровьем и до этого. Более точно сказать что-либо можно будет только после того, как мы проведем инструментальные и лабораторные исследования. Но, к сожалению, иногда даже самое интенсивное лечение не помогает добиться нужных результатов.

Он убеждает нас, что нам сейчас нет никакого смысла оставаться в больнице на ночь. Лучше приехать утром, выспавшимися и отдохнувшими. А за папой будет обеспечен надлежащий присмотр.

Мы выходим из больницы вместе с Татьяной. Она собирается вызывать такси, но я веду ее к своей машине. Я и сама растеряна, но мачеха словно вовсе выбита из колеи. Ее шатает, и мне приходится взять ее под руку и помочь ей сесть на пассажирское сиденье рядом со мной. И пока мы едем, она тихо спрашивает:

— Жень, что мы сейчас будем делать? Как мы без него? Я же совсем-совсем ничего не знаю.

— Будем надеяться, что он скоро придет в себя, — я не уверена в этом, но если я буду думать по-другому, то просто сойду с ума. — Да, возможно, он будет слаб, но главное, чтобы он по-прежнему здраво мыслил и мог говорить.

— А если нет, Жень? — шепчет она. — Что будет с фирмой, если он не сможет ей управлять? Там и так всё очень сложно, а без него там всё накроется медным тазом. И что будет со мной и с Федей? У меня же нет собственных денег. Всё всегда оплачивал Миша.

Сначала я хочу рассердиться на нее за такие мысли. А потом понимаю, что в ее положении такая паника вполне простительна. Она привыкла к тому, что всем ее обеспечивал мой отец. И ее, и моего брата. А теперь какое-то время отца не будет рядом. И ей придется думать обо всём самой.

Я довожу ее до дома, отказываюсь от предложения выпить чаю и еду к себе домой. Мне нужно срочно поговорить с Некрасовым. Только он может рассказать, о чём они разговаривали с папой. И что вообще происходит в фирме моего отца.

Вот только захочет ли он это рассказать?

Глава 12

Но Ника дома еще нет. И даже если представить, что он был на совете директоров. А он обязан был там быть, ведь именно он — генеральный директор. Хотя в итоге этот совет наверняка отменили, потому что его председатель оказался в больнице.

Когда звонит телефон, я вздрагиваю и судорожно пытаюсь найти его в сумочке. Может быть, это Таня? Или из больницы?

Но нет, это оказывается старый папин друг Павел Ильич Зарецкий — тот самый, что наметнул ему на возможное мошенничество в компании.

— Женя? Ты одна? Мужа нет рядом?

Последний вопрос звучит немного двусмысленно, но я на него отвечаю.

— Это хорошо, — откликается он. — Сначала позволь сказать, что мне очень жаль, что Михаил попал в больницу. Я надеюсь, что с ним всё будет в порядке, он мужик крепкий и упрямый. Но то, что это случилось именно сейчас, весьма некстати. Не обижайся, что я так говорю. Если бы твой отец мог сейчас разговаривать, он бы сказал тебе то же самое.

— Павел Ильич, а вы откуда про папу узнали? — лепечу я. — Вам Таня позвонила?

— Я сам ей позвонил. Когда до Миши не дозвонился. Потому что нужно было начинать заседание совета директоров, а его всё не было. А это было важное заседание, которое он точно не захотел бы пропустить.

— А мой муж там был?

— Был, разумеется. Но это было уже не принципиально, потому что заседание так и не состоялось. В нём без твоего отца уже не было никакого смысла.

— А что вы собирались на нём обсуждать?

Неужели отец хотел при всех назвать Никиту мошенником? Нет, он не стал бы так поступать. Даже если бы это было правдой. Даже если бы у него были доказательства. Он просто сделал бы так, чтобы Ник отошел от дел. Он сумел бы заставить моего мужа это сделать. Но признаваться своим коллегам и подчиненным, что зять столько лет обманывал его, он бы не стал.

— Вопрос слияния нашей компании с одним из наших конкурентов. Не знаю, говорил ли тебе отец про это или нет.

Да, что-то такое он говорил, но вскользь. Отец не считал нужным грузить меня такой информацией. Он искренне полагал, что женщине в бизнесе не место. Он обмолвился только о какой-то сделке, против которой он выступал, и не стал посвящать меня в подробности.

Кажется, Зарецкий понимает мой ответ безо всяких слов с моей стороны и торопливо добавляет:

— Это предложение мы получили буквально на днях. И сразу стало понятно, почему кто-то пытался нас скомпрометировать. Кто-то делал всё, чтобы подмочить нам репутацию и лишить нас значимой части клиентов. Чтобы заставить нас согласиться на эту сделку на невыгодных для нас условиях. На заседании мы хотели говорить именно об этом.

— Папа был против этой сделки? — спрашиваю я.

— Конечно! — подтверждает Павел Ильич. — Собственно, он мог решить этот вопрос и сам — у него же контрольный пакет акций. Но он хотел поставить нас в известность. И я был намерен его поддержать. Вот только теперь всё изменилось. И твой отец может лишиться своей компании, если тот, кто будет распоряжаться его акциями, проголосует на собрании акционеров не так, как он хотел.

— Распоряжаться его акциями? — не понимаю я. — Разве кто-то может это делать, кроме него самого?

Такое предположение кажется мне чудовищным. Папа еще жив, и он поправится. Как мы можем это обсуждать?

— Жень, я понимаю, что тебе неприятно об этом думать, но если мы ничего не предпримем сейчас, то потом будет уже поздно.

— А что мы можем предпринять? — тихо спрашиваю я.

— Действовать нужно быстро, Женечка! У твоего мужа двадцать пять процентов акций, он может инициировать созыв общего собрания акционеров и поднять на нем вопрос о слиянии.

— Но пока папа в больнице, на таком собрании не будет кворума.

Это понимаю даже я, хотя я отнюдь не юрист. Так что беспокойство Зарецкого по этому поводу кажется мне преувеличенным.

— Да, — соглашается он. — Но в этом случае может быть созвано новое собрание акционеров, а повторное собрание будет считаться правомочным даже если на нем присутствуют акционеры всего с тридцатью процентами голосов. Никите достаточно будет заручиться поддержкой еще пары мелких акционеров. И на таком собрании он примет то решение, которое захочет протолкнуть.

У меня кружится голова. Слишком много потрясений для одного вечера.

— А вы думаете, что Никита имеет в этой сделке какой-то интерес?

— Да, Женечка, я в этом почти не сомневаюсь. Как раз сегодня днем твой отец выдвинул версию, что человеком, который пытается утопить наш бизнес, может быть твой муж. Зачем ему это? Да кто же знает? Возможно, конкуренты пообещали оставить его на посту генерального и после объединения компаний. А может быть, он получил от них деньги. За такую сделку они бы не поскупились заплатить. А когда они поглотят наш бизнес, ничто не помешает им выкинуть нас с этого корабля.

— И что же делать? — тихо спрашиваю я.

Когда папа очнется и поймет, что его компании больше нет, это может его добить.

— Нам нужно получить контроль над его акциями и проголосовать на собрании так, как проголосовал бы он сам.

— Получить контроль? — я всё еще не вполне его понимаю. — Но как это можно сделать?

— Михаила можно признать недееспособным, и тогда право распоряжаться его имуществом получит его опекун. И этим опекуном должна стать ты, Жень!

Признать папу недееспособным? Нет, ни за что! Всё во мне протестует против этой мысли. Он же не инвалид и не ребенок. Он взрослый умный человек, который никогда не простит мне, если я на это пойду.

Я не могу понять, какое решение будет правильным. И спросить совета мне не у кого. Да, возможно, Зарецкий прав. Но что, если он преследует в этом какие-то собственные интересы? Теперь я уже боюсь кому-то доверять.

— Жень, если мы будем медлить, то Никита отберет у тебя всё. Неужели ты не хочешь ему помешать?

Я слышу звук подъезжающей к дому машины и вздрагиваю.

— Павел Ильич, спасибо, я всё поняла. Но сейчас я не могу об этом говорить. Приехал Никита.

Глава 13

— Ты как? Была у отца в больнице? — с порога спрашивает он.

Я киваю и в ответ тоже спрашиваю:

— А что у вас на работе? Папа говорил, что сегодня должен был состояться совет директоров.

— Должен был. Но не состоялся. Мы его перенесли. Надеялись, что Михаил Георгиевич сможет присоединиться к нам через несколько дней.

Нет, через несколько дней отец точно не сможет заседать ни в каких советах. Думаю, Ник понимает это и сам.

— А еще он говорил, что на совете должен был обсуждаться вопрос о слиянии с какими-то конкурентами.

На самом деле это говорил мне не отец, а Зарецкий, но я не хочу, чтобы Никита знал, что я с ним разговаривала. Сейчас я смотрю прямо ему в глаза, но мои слова, кажется, ничуть его не смущают.

— Да, так оно и есть, — признает он. — И очень жаль, что мы это не обсудили. Я понимаю, что ты со мной сейчас не согласишься, но в этом объединении на самом деле что-то есть. Впрочем, это разговор не для позднего вечера.

— А о чём вы говорили с папой? Ему же стало плохо сразу же после этого.

В моем голосе звучат обвиняющие нотки, и Ник это чувствует.

— Женя, я не сказал ему ничего такого, чего бы он не знал и сам. И если ты хочешь сказать, что это я виноват, что у него случился инсульт, то ты не права. Да, мы поругались. Но лишь потому, что он обвинил меня в том, что я тебе изменил. И возможно, если бы ты накануне не сказала ему этого, то ничего бы не случилось.

— Что? — я возмущенно охаю. — Значит, это я во всём виновата?

Он хмыкает:

— Я этого не говорил. А сейчас, извини, я хотел бы отдохнуть. И тебе самой тоже не помешает это сделать.

Вот и весь разговор.

Не знаю, как Ник, а я долго не могу заснуть, а утром просыпаюсь уже после того, как он уезжает на работу. Наспех завтракаю и еду в больницу.

И потом эта последовательность действий повторяется каждый день на протяжении недели. Мы с мужем почти не видимся дома и едва ли обмениваемся при встречах хоть несколькими фразами.

Через неделю лечащий врач говорит, что папу могут выписать из больницы. Некоторое улучшение его состояния наблюдается, но оно настолько мало, что оптимизма не внушает. У него чуть двигается левая рука, и он пытается что-то говорить, но получается только мычание.

К такому Татьяна оказывается не готова.

— Женя, но что мы будем делать с ним дома? — вопрошает она сквозь слёзы. — Ему нужен квалифицированный медицинский уход, а я даже не умею делать уколы. В больнице ему будет лучше. И если Федя увидит отца в таком состоянии, он может испугаться.

Моему младшему брату шесть лет, и я понимаю, что в этом она права. Но в целом не могу с ней согласиться.

— Они не смогут держать папу в больнице долгое время. Да и ему самому наверняка хочется домой. Значит, придется нанять сиделку и найти медсестру, которая будет приходить хотя бы раз в день.

— А деньги, Женя? — в панике спрашивает она. — Где я возьму на это деньги? Я понятия не имею, сколько средств на Мишиных счетах. И у меня нет к ним доступа. Я даже не знаю, что мы с Федей будем есть через пару дней, когда закончится то, что есть на моей карте.

В прежнее время я попросила бы денег у Ника. Тогда мы были семьей. А сейчас? Из-за болезни отца я отложила вопрос с разводом, но понимаю, что должна об этом задуматься.

— Боюсь, Женя, нам придется объявить Мишу недееспособным, — Таня виновато отводит взгляд. — Думаю, ты и сама понимаешь, что без этого не обойтись.

Мачеха интересовалась делами нашей компании еще меньше, чем я сама. И теперь ее слова о недееспособности заставляют меня нахмуриться.

— Кто тебе посоветовал это?

— Я обращалась к юристу, — она поджигает губы. — А что еще мне оставалось делать? Я должна оплачивать коммуналку и частный детский сад, платить домработнице, покупать продукты и одежду. И это вовсе не предательство Миши! Как только он поправится, он станет распоряжаться всем сам. Это вынужденная мера.

Мне больно об этом думать, но я вынуждена с ней согласиться. Я уже знаю, что заседание совета директоров состоялось, и на нём было принято решение о проведении внеочередного общего собрания акционеров. И если мы не хотим потерять компанию, нам надо поторопиться.

— Наверно, ты права, — киваю я.

Ее лицо сразу проясняется. Должно быть, она ждала от меня возражений.

— Как хорошо, что ты это понимаешь, Женя! Тогда я попрошу юриста подготовить все необходимые документы.

— И я готова быть папиным опекуном, — добавляю я.

— Что? — она снова напрягается. — А почему ты? Вообще-то это я его жена.

— А я — его дочь, — парирую я. — И его опекуну придется распоряжаться не только его деньгами, но и его акциями, и долями в компаниях. Ты готова ходить на всякие собрания и отстаивать наши интересы?

— А почему бы и нет? — она воинственно вскидывает голову. — Чем я хуже тебя? Ты такая же домохозяйка.

Мне всегда казалось, что она способна думать только о собственной внешности и о брендовых шмотках. Хотя она и сейчас думает как раз о них. Беспокоится, как бы ее ни лишили привычной роскоши. Как будто бы я стала это делать.

— Таня, это не слишком разумно, — еще пытаюсь возражать я, но уже понимаю, что это бесполезно. — Я не собираюсь претендовать на папины деньги. Сейчас меня интересуют только акции, и то не сами по себе, а как возможность принять то решение, которое хотел принять папа.

— Послушай, Женя, я не хочу с тобой ссориться, но я сейчас не могу тебе доверять. Миша говорил мне, что твой муж пытался навредить его компании. И он наверняка захочет сделать это снова. И сделает это, если акции будут у тебя. Он как обычно сумеет тебя уговорить, и ты поступишь именно так, как он хочет. Ты слабохарактерная, ты можешь признаться в этом хотя бы самой себе?

Я едва не плачу от обиды. Но мне нечего ей возразить. Разве она поверит, если я скажу, что сама сейчас не доверяю Никите? Конечно, не поверит.

И она — мать. Она пытается сейчас отстаивать не только свои интересы, но и интересы Феи.

И всё-таки я упрямо говорю:

— Кто будет папиным опекуном, будет решать суд. Потому что я тоже намерена подать документы на опеку. И не думай, что ты сможешь расходовать деньги так, как тебе заблагорассудится. Ты должна будешь отчитываться перед органами опеки.

Но она лишь пожимает плечами:

— Ничего, отчитаюсь. А что касается суда... То я и в суде молчать не буду. Я и там скажу, что это Никита пытался нас разорить, и если опека будет отдана тебе, то ни мне, ни моему сыну ничего не достанется. А Федя — несовершеннолетний, и суд должен будет это учесть.

Глава 14

Папу выписывают из больницы и перевозят домой. Для него обустраивается специальная комната с большой кроватью с антипролежневым матрасом. Татьяна нанимает круглосуточную сиделку. Во что это обходится, я даже не спрашиваю. Пока деньги в долг дают Зарецкий и еще кое-кто из папиных друзей.

А вот Федю мачеха пока отправляет к своей матери в Краснодарский край. Это я полностью одобряю. Ребенку пока лучше не видеть папу в таком состоянии.

Документы на опеку подаем мы обе. Но суд выбирает Татьяну. Но Зарецкий изначально предупреждал меня, что так и будет.

— Она его жена, а значит, часть их имущества нажита совместно. И у них несовершеннолетний сын, как она тебе и сказала. Так что всё логично.

На суде мачеха тоже заявляет про то, что Ник пытался наложить лапы на фирму отца. И хотя самого Некрасова на суде нет, я не сильно протестую против ее слов. Потому что так оно и есть. Поэтому решение суда не становится для меня шоком.

Когда мы выходим на улицу, Татьяна подходит ко мне:

— Женя, ты меня не ненавидишь? К тебе это не имеет никакого отношения. Это просто способ защиты. Уверена, Миша меня поймет. А с тобой, надеюсь, у нас всё будет как раньше.

Мы обнимаемся. Но я понимаю, что как раньше уже не будет.

Со всеми личными делами у меня толком не получается сосредоточиться на работе. Хотя один раз в свое пиар-агентство «Безупречный имидж» (нет, ну надо же было папе придумать такое название!) я всё-таки навещаюсь.

Знакомлюсь только с директором — высоким худым молодым человеком в очках.

— Влад Зайцев, — так он себя называет.

Надо сказать, на зайца он и похож — на того, который в старом советском мультике про Винни-Пуха.

Помимо него, там работает только один сотрудник — девушка, которая занимается написанием текстов и ведет документацию. Но в тот день, когда я пришла к ним в офис, она была в отпуске.

Мне кажется, что его несказанно удивляет тот факт, что я вспомнила про то, что эта фирма принадлежит мне. До этого он всегда общался только с моим отцом, да и то наверняка не часто, и Никитой.

— Вы же понимаете, Евгения Михайловна, мы очень маленькая компания, и заказов у нас немного. Михаила Георгиевича устраивало хотя бы то, что выручки хватает нам на зарплату, налоги и коммунальные платежи. А чтобы развиваться, нужны вложения.

Этими своими словами он ясно дает мне понять — нет инвестиций, нет и результатов. И ни о какой прибыли пока речи не идет.

Я запрашиваю у него данные о наших клиентах — бывших и нынешних, а также подробную смету расходов. Он обещает подготовить всё в течение ближайшей недели. Хотя даже я понимаю, что это можно сделать в течение нескольких часов. Но, может быть, он не силен в бухгалтерских программах и будет ждать, пока его единственная подчиненная выйдет на работу.

— Не понимаю, зачем тебе вообще эта фирма? — хмыкает Ник. — Она едва сводит концы с концами. Тебе давно следовало ее продать. Бизнес — не женское дело.

Интересно, откуда он узнал, что я там была? От Зайцева? Нужно будет объяснить тому, что собственница компании и ее муж — это два совершенно разных человека, интересы которых могут вовсе не совпадать.

Мы с Ником по-прежнему спим в разных комнатах и общаемся друг с другом только по необходимости. Я каждый вечер обещаю себе, что на следующий день точно займусь подготовкой документов для развода. А потом наваливаются какие-то другие дела, и я снова это откладываю.

Но сейчас, после вопроса Ника, я понимаю, что уже пора что-то сделать. И пусть он всего лишь повторил слова моего про бизнес, я уже не готова с этим мириться.

— Это моя фирма, Ник! И я не намерена ее продавать. И мне кажется, пришло время подать документы на развод.

Я выпаливаю это ему в лицо и пытаюсь держать уверенно. Хотя у меня испуганно стучит сердце.

— Вот как? — Некрасов смотрит на меня с холодной улыбкой. — Значит, ты всё-таки не оставила эту мысль? Ну, и кто ты после этого? Дура!

— Что? — ахаю я.

— Этот брак, Женечка, сейчас выгоден тебе гораздо больше, чем мне! Почему? Мне кажется, ты кое-что забыла. Что-то очень важное, что оставит тебя без всего! Тебе напомнить?

Я смотрю на его ухмылку, и внутри меня разливается страх. Я знаю, о чём он говорит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.